

КРОКОДИЛ

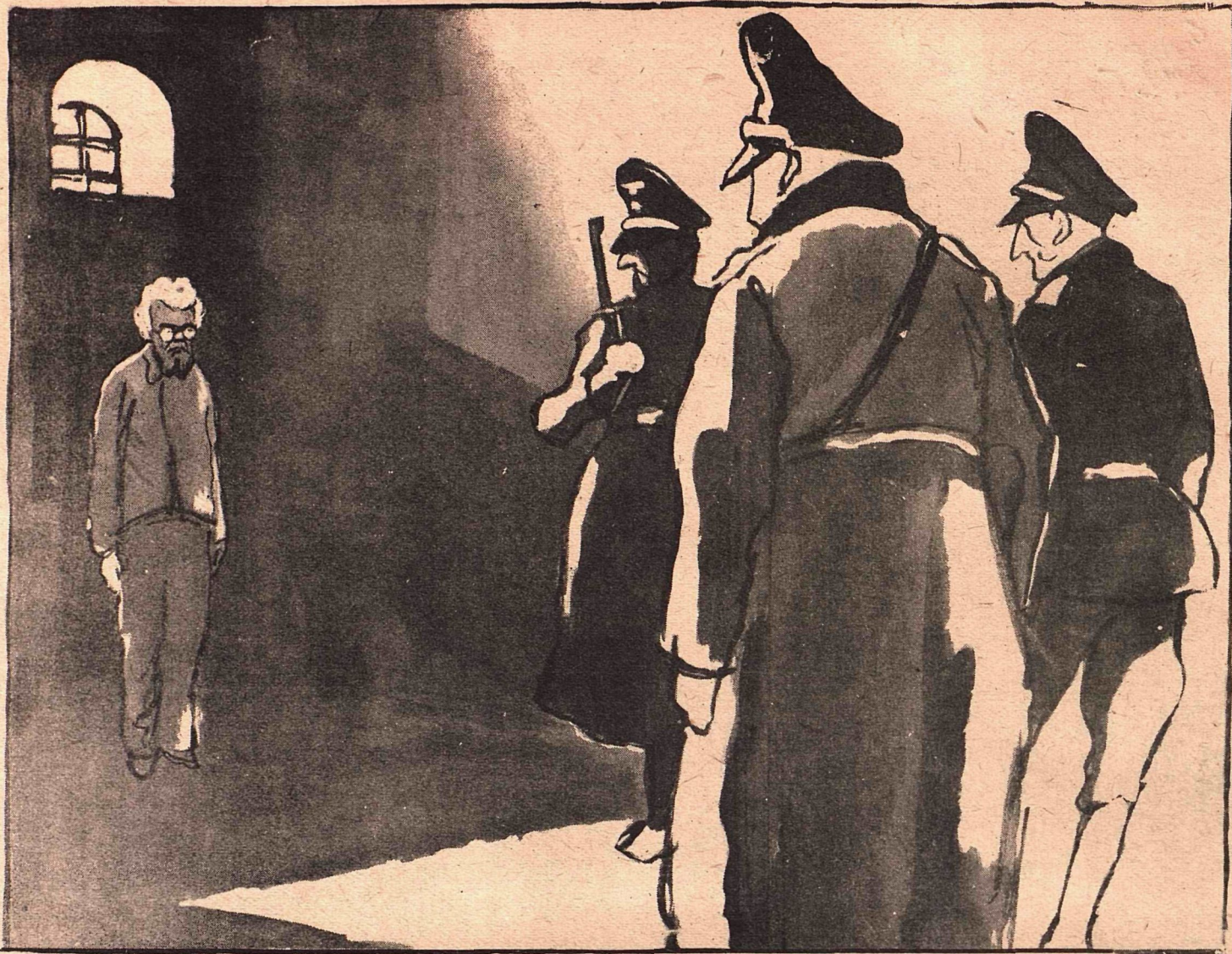

«В ожидании «Последнего часа».

В ожидании последнего часа.

Рис. И. Семенов

— А это, герр полковник, — знаменитый ученый, имеющий 35 научных трудов. Пользуется любовью и популярностью.
— И такой человек находится до сих пор в тюрьме? Расстрелять немедленно!

Экономия и здоровье ✓

БЫЛО бы непростительной ошибкой сказать, что он дурак.

Это смахивало бы на то, если бы мы небоскреб назвали хижиной. Такого рода преуменьшения обидны и непростительны.

Дабы не впасть в ошибку, твердо скажем: «Он круглый идиот и вдобавок прохвост».

Речь идет о редакторе румынской газеты «Универсул». Сейчас, читатель, вы сами убедитесь, что наша оценка сего универсульного субъекта абсолютно не страдает излишней резкостью.

В редактируемой им газете напечатана статья под скромным научно-популярным заголовком — «Экономия и здоровье». В этой статье румынскому правительству рекомендуется провести следующие конкретные мероприятия в целях увеличения благосостояния населения:

«Надо принять меры к тому, чтобы крестьяне работали на поле без рубашки, что очень полезно для здоровья и к тому же позволит стране сэкономить огромное количество рубашек».

Кроме того следует запретить на время войны ношение головного убора в теплую погоду».

Итак, Румыния спасена! Ее расшатанная экономика, ее разрушенное хозяйство будут немедленно восстановлены. Для этого стоит только уже тщательно обчищенного румынского крестьянина лишить последней рубашки, а еще в придачу к этому запретить всем румынам поголовно ношение головных уборов в

теплую погоду. А уж будьте уверены, что Антонеску постарается, чтобы румынам всегда было жарко.

Но все же нам кажется, что редактор «Универсула» остановился на полдороге. Экономить так экономить.

Замечено, что чиновники румынских государственных учреждений и служащие частных фирм усвоили скверную привычку сидеть за канцелярскими столами в штанах. Это щегольство не вызывается никакими уважительными причинами. Тем более что пиджаки имеют достаточное количество карманов для приема взяток. А потому запретить в служебные часы ношение и вместе с тем протирание брюк на все время войны.

Идем дальше. Поскольку речь зашла о пиджаках, мы обязаны вспомнить о том, что расточительные портные завели моду пришивать к каждому, даже самому дешовому пиджаку два рукава. Между тем доказано, что два рукава обходятся вдвое дороже, чем один рукав. Так же как два Антонеску обходятся дороже, чем один Антонеску. А если принять во внимание, что сейчас с русского фронта, в частности из-под Сталинграда, прибывает в страну немалое количество одноруких румын, то со всей очевидностью надлежит признать второй рукав в пиджаке недопустимым излишеством. Это очень важно и с моральной стороны: двурукие румыны не должны выделяться и этим самым подчеркивать, что им удалось окопаться в тылу. А посему запретить пошивку двухрукавных пиджаков на все время войны.

Идем дальше. До сих пор попадают еще румыны — особенно в городах, деревня уже не страдает этой болезнью, — которые носят обувь. Зачем? Самым категорическим образом спрашиваем: зачем? Те румыны, которым следует попасть в сигуранцу, не нуждаются ни в сапогах, ни в полуботинках: их отвезут туда в полицейских каретах. Те же румыны, которые по сему-либо не попали еще в сигуранцу, обязаны сидеть дома и не мешать личному движению. А посему запретить ношение обуви на все время войны.

Идем дальше. Некоторые румыны до сих пор не отказались от старинного обычая сморкаться в платок. И мы опять вынуждены с всей решительностью поставить вопрос: зачем? Поскольку течь из носа не является антигосударственным течением, то нет никакой острой необходимости ликвидировать в стране это бытовое явление. А посему запретить пользоваться носовыми платками на все время войны.

Идем дальше. Румыны, правда немногочисленные слои, делают всякие попытки, чтоб есть хлеб. Такое безобразное поведение оппозиционно настроенных элементов надо пресечь вконец. Потому что употребление этого продукта в пищу вызывает нежелательные разговоры о все уменьшающейся норме выдачи хлеба населению. А посему запретить употребление хлеба на все время войны.

Идем дальше... Стоит ли? Кажется, дальше ни идти, ни ехать некуда.

Г. РЫКЛИН

Сроки и уроки

Фюрер выл, визжал, рычал,
Фюрер сроки назначал:
«Взять к седьмому
Сталинград —
Закачу я в нем парад!»
Бесновался пес проклятый.
Срок шестой, восьмой,
десятый —
Все он числа перебрал,
Генералов покарал —
Мертвых фрицев пухнет
труда...
«Что за дьявольское
чудо?! —

Фюрер в бешенстве
вопит. —
Город крепостью стоит!»

★
Дни бегут, летят недели —
Фюрер вздор в эфире
мелет:
«Мы не знали, вот-те на!
Перед городом — стена!
Не простая, земляная,
А железная, стальная!
Эту стену, так сказать,
Нам придется прогрызть».

★
Мы о сроках не болтали,
Но пришел наш час и срок —
Дали фюреру урок:
Сталинградская припарка
Греет крепко, греет
жарко —
В клещи огненные взята,
Заметался черный гад.
Сроки русские настали —
Он отведал русской стали,
Той, чье имя — Сталинград!

А. ФЛИТ

СРЕДИ ОСЛОВ

«Начинайте расселяться по нашим прекрасным деревням».
(Из выступления Муссолини)

Рис. Ю. Ганфа

— Из-за этого осла, из-за дуче, нам, ослам, приходится теперь так много работать.

ХИРУРГИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

Рис. Б. Клинча

Боюсь, что мне ампутируют эту ногу!

Песенка о посылке ✓

Привезли бойцам подарки
После боя одного.
Получил боец посылку
И не знает, от кого.

Шерстяные рукавицы,
Чтоб нестрашен был мороз;
Чтоб с друзьями поделиться,—
Пару пачек папирос.

Закурил боец из пачки,
Дал соседям закурить.
Ну, кому сказать спасибо?
Ну, кого благодарить?

Ну, кому хоть в пару строчек
Боевой послать привет?
Развернул боец плэточек —
Увидал ее портрет.

Фотография цветная —
Русый локон и берет,
И зовут ее Марусей,
Двадцати — не больше лет.

Эта девушка Маруся
Шла к почтовому крыльцу
И посылку отправляла
Неизвестному бойцу.

Все соседи по окопу
Посмотрели на портрет:
«Напиши ты ей спасибо
И от нас пошли привет!»

Подтолкнул сосед соседа,
А боец сказал друзьям:
«Победим, в Рязань заеду —
Самолучно передам!»

Сергей МИХАЛКОВ

Рис. Б. Фридкина

— Благодарю вас, товарищ полковник жалоб.

В трамвае

В морозный день обыкновенный вагон московского трамвая бежал по своему обычному маршруту, но пассажиры подобралась в нем совершенно необыкновенные, чудо-пассажиры: спокойные, добродушные, разговорчивые, даже вежливые и предупредительные.

Достаточно привести здесь следующую, разыгравшуюся на одной из остановок сценку.

Почтенный старичок в золотых очках с трудом втиснулся на площадку и вдруг завопил плачущим голосом:

— Калошка!.. Калошка!..

Он засуетился, насколько это позволяла плотная масса затылков, боков, плеч, и отчаянно взывал:

— Калошка!.. Калошка!..

Кондукторша немедленно остановила вагон.

— Посмотрите там, — обратилась она к повиснувшим снаружи смельчакам, — у товарища авария при посадке... Калошки там нет?... Что? Не должно этого быть, в самом-то деле!.. А ну, раздайтесь, граждане, может, на площадку соскочила? Потеснитесь, говорю!..

И как бы невероятным это ни показалось, на площадке вдруг стало свободней, старичок мог совершенно беспрепятственно поворачиваться во все стороны и даже согнуться, внимательно осмотреть вокруг себя пространство: утрамбованный снег увидел он, несколько соломинок, затоптанную, одинокую, драную варежку...

— Папаша! — радостно воскликнул один из пассажиров, добровольно, с методичностью Шерлока Холмса занявшийся изучением тайны внезапно исчезнувшей калоши. — Папаша, родной! Да глядите, обе они у вас на ножках... Все в порядке, товарищ кондуктор, поехали!

Вагон загремел, качаясь и ныряя, приобретает с каждой секундой все большую скорость.

— То же самое у нас с поросенком вышло, — сказала молоденькая девушка, укутанная в толстую шаль. — Заскучал у нас поросенок, не жрет день, не жрет другой... Это у нас в больнице, я там за курьера работаю. Ну, думаем, как бы не окошел зря. Закололи мы поросеночка на всякий случай. А нам тут же запрещение вышло. Директор говорит: «Нельзя его в пищу, запрещаю, говорит, приказываю известью его и немедленно зарыть без остатка, согласно науке». «Нет, — говорим, — товарищ директор, лучше мы его сначала

Взник! На вас поступает много

Трамвае

ветеринару снесем, пускай посмотрит, а уничтожить его по науке мы всегда успеем, если что...» А поросенок уже порубанный на части лежит. Кухарка уже для нашего круглосуточного медперсонала в отношении завтрака отметку сделала: «Пурусятина...»

— Не понимаю,— прервал молоденькую курьершу боец с рукой на перевязи.— Мелешь, абы что. Ну, какое ты сходство увидела между поросенком и калошей? Чудно, ей богуй!..

— А ты погоди... Знай, слушай... Стали мы по частям складывать поросенка, чтобы к ветеринару все до последнего снести. Туда, сюда. Глядим, нехватка. Мы уж и так складываем и этак. Ничего не получается. Кухарка сама не своя, на каждого молча поглядывает, в самую душу: «Не ты ли, мол, польстилась?» И хоть знаешь про себя, что ты не хуже ангела, а глаз не смеешь поднять. Взались мы тогда опять складывать. Уж так старались, так старались... Глядим: лишек определился. Ну что ты скажешь, пожалуйста! Вот она, лежит перед тобой тушка цельная, а еще есть порядочный кусочек, и девать его некуда.

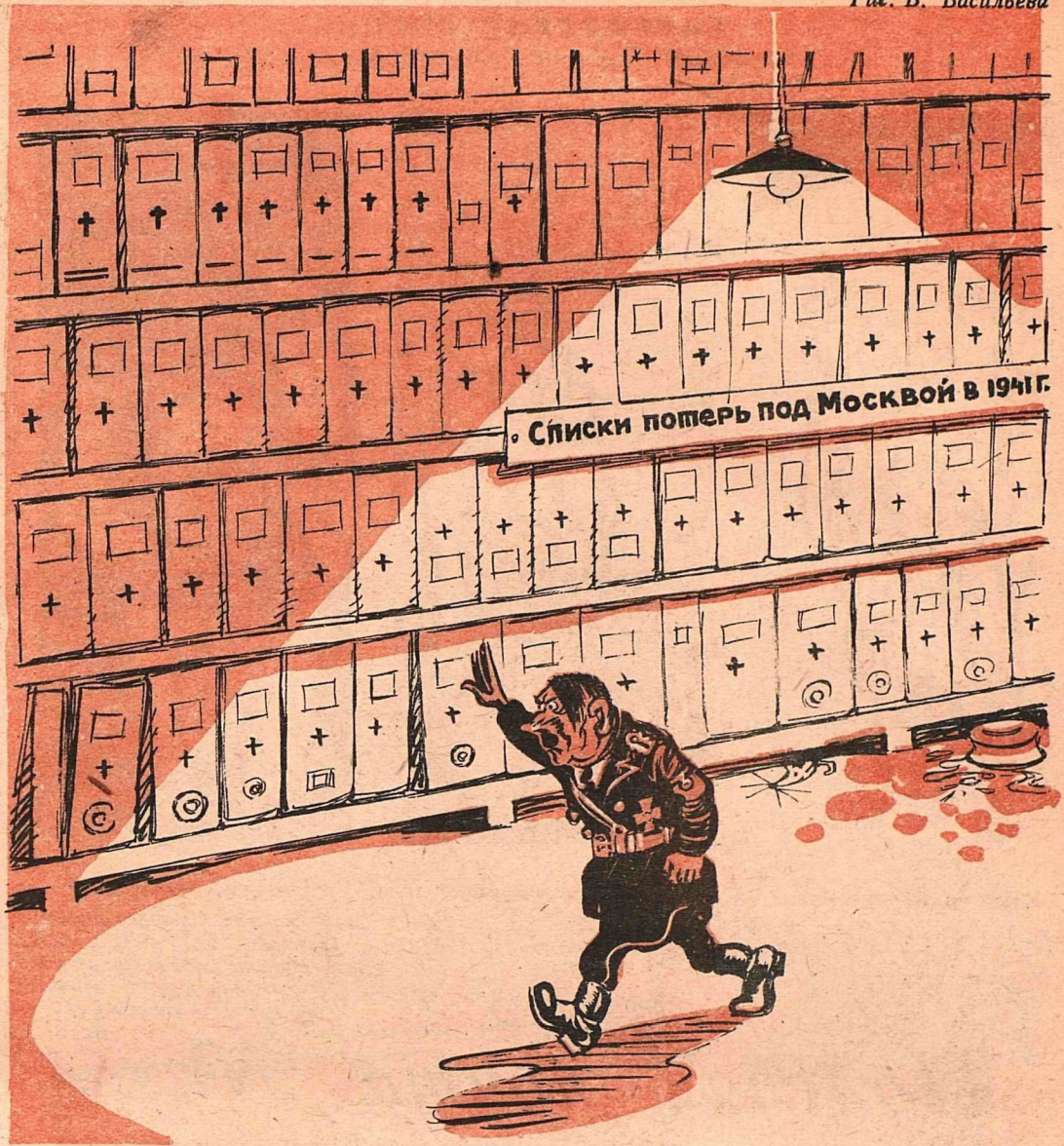
— Это, как с электричеством все равно... С лимитом...— повернул голову в треухе гражданин, крепко державшийся за ремень с перекладины.— Когда нам дали этот самый лимит, ну, думаем, конечно — сидим впотьмах. Стали аккуратнее пользоваться, друг за другом следим, нигде, даже на самую малость зря электричества не жгем... Прошел месяц, а у нас, глядишь, лимит не весь использован, оказывается.

— Что же с поросеночком-то? Чем кончилось? — послышался вдруг шамкающий, старушечий голос, утонувший среди чужих шуб.

— А ничего, скушали. Справный оказался. Вагон останавливается и снова бежит. Меняется в нем толпа. И вкоре уже не всем здесь было понятно, когда кондукторша, быстро и ловко суя билетки и сдачу новым пассажирам, высказала свое мнение по поводу разговоров в трамвае.

— А как же иначе! — сказала она.— Нынче каждая мелочь должна быть на строгом учете... Что калошка, что поросенок, что электричество... В такую-то войну! За каждой малостью во все глаза следить надо.

А. ЭРЛИХ

Смотр войскам, участникам «похода на Москву».

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

СРЕДИ МУСУЛЬМАН

— Велик Аллах и Магомет — пророк его! Смотри, итальянские генералы уверовали в истинного бога и подняли руки для молитвы.

— Что ты, что ты! Это они сдаются в плен американским войскам.

(«Красное знамя»)

В БЕРЛИНСКОМ ТРАМВАЕ

— О-ох! — раздался среди общей тоскливой тишины чей-то одинокий тяжкий вздох.

— О-о-ох! — вздохнули остальные молчаливые пассажиры.

— Я прошу вас, господа, не говорить о политике! — строго сказал кондуктор.

(«Герой родины»)

СТАЛИНГРАДСКИЕ ЧАСТУШКИ

Все мы, братцы,—
Сталинградцы,
С Волги-матушки реки.
Если драться,
Так уж драться!
Это дело нам с руки.

Немцы в баню
На купанье
Собрались, а бани нет.
Но сержант Егоров Ваня
Дал им жару,
Дал им пару —
Смысл их в общем... на тот свет.

Пишет Брюхе
Берте Шлюхе:

«Сталинград бы только взять...
Ждать недолго,
И из Волги
Будем мы северюгу жрать».

Постарался друг Федот —
Вышло все наоборот:
Не ворюга
Жрет северюгу,
А она ворюгу жрет.

(«На страже родины»)

ПРОФЕССОР В КОМАНДИРОВКЕ

(В немецком университете)

— Почему профессор отменил свою лекцию?
— Он срочно выехал на советско-германский фронт грабить музеи..

(«На страже родины»)

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ФРИЦЫ

— Что ты думаешь, Фриц, о русской зиме?
— Когда я думаю о русской зиме, Ганс, я начинаю дрожать и мне хочется выть по-собачьи.

— А знаешь, мне кажется, что у нас с тобой должен получиться неплохой дуэт.

(«На страже родины»)

СТАРЫЕ ПОСЛОВИЦЫ ПО-НОВОМУ

Итальянский генерал: — Храбрые солдаты! Старая поговорка гласит: все дороги ведут в Рим!

Солдат: — А по-моему, все дороги ведут в плен..

(«На разгром врага»)

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

(С дополнениями, сделанными Красной Армией в 1942 году)

Рис. К. Елцеева

Кавказский пленник.

(Взят в плен под Владикавказом в ноябре 1942 года.)

Донской пленник.

(Взят в плен на восточном берегу Дона в декабре 1942 года.)

Ржевский пленник.

(Взят в плен в районе Ржева в декабре 1942 года. Над дальнейшими дополнениями наша доблестная Красная Армия продолжает работать.)

Полевая почта №...✓

Мои именины

ПРЯМО скажу, таких именин мне еще никогда не приходилось справлять. Судите сами.

В тот день исполнилось мне ровно 20 лет. Задумался я: как бы это лучше событие такое отпраздновать? И решил: не дожидаться гостей и поздравлений, а самому сходить «в гости», да заодно и «поздравить» кой-кого.

Сказано — сделано. Вместе с летчиком Дормидонтовым вылетели мы один раз, вылетели другой, — ну и собрались третий визит нанести: все-таки, как никак, я я именинник сегодня.

Подшли мы к вражескому аэродрому. И тут я даже ахнул от удивления. Обычно немцы сидят, как кроты, в темноте, а сегодня целую иллюминацию устроили. Надо полагать, что не в честь моих именин они так постарались. А скорей всего свои самолеты поджидали.

Но мы не стали настаивать, так сказать, на ликвидации этого недоразумения. Наоборот, пользуясь такой предусмотрительностью, мы зашли на цель и сбросили свои бомбы туда, куда надо. После этого вспыхнула такая «иллюминация», что фрицам стало жарко, и они повыбежали из своих нор; ну, а мы их сверху освежили пулеметными очередями.

Вот как я отпраздновал свои именины.

В. СМИРНОВ,
старшина

Действующая армия.

Мороженые фрицы

ЛЕЙТЕНАНТ Калужный стоял в заиндевевшей каске перед командиром и взволнованно рассказывал обстановку. Немцы, вероятно, пронюхали, что здесь остался маленький гарнизон. Они собрали силы и готовятся к наступлению.

— А вы знаете, Калужный, как тараканов морозит? — неожиданно спросил майор Натрашвили.

Калужный недоумевающе умолк.

А майор продолжал:

— Напусти в избу морозцу, распахни двери — куда денется тараканья резвость! Слова майора прервал боец, вбежавший в землянку:

— Товарищ майор, немцы наступают!

Все трое вышли из землянки. Только что наступил рассвет — холодный, ледяной. Дым из землянок круто поднимался к небу. По живну, загороженному снегом, к селу приближались немцы.

Из окопов раздавалось несколько выстрелов.

— Прекратить стрельбу, подпускай ближе! — крикнул майор.

Потом, когда фигуры солдат появились у самой околицы, треск пулеметов прорезал морозный воздух. Немцы залегли на снег.

Натрашвили скинул полушубок, постоял, проверяя на себе силу мороза.

— Градусов под тридцать будет — долго не вытерпят. Калужный, — обратился он к лейтенанту, — минут сорок продержите на снегу фрицев?

— Хоть час, товарищ майор. Головы не поднимут...

Натрашвили спустился в землянку. Время от времени он доставал часы, смотрел на циферблат и, когда прошло полчаса, снова поднялся наверх:

— А теперь в атаку, орлы. Бей мороженых немцев!

Дружно пошли бойцы в атаку. Иные скинули полушубки и в одних ватниках бросились вперед. Навстречу им раздалась редкие выстрелы. Окоченевшие немцы не могли сопротивляться. Одни лежали на снегу, не имея сил подняться, другие пытались бежать, делали несколько вялых шагов и падали, наступленные пулей или сраженные штыком. Через пятнадцать минут батальон был уничтожен.

Майор стоял около землянки. К селу вели пленных, дрожащих от холода. Их конвоировали бойцы — веселые, разгоряченные боем.

Г. КАЮРОВ

Действующая армия.

Италия

(Географическая справка)

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Италия расположена на Средиземном море. Муссолини расположен к Гитлеру. Итальянцы не расположены к воздушным налетам авиации союзников.

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

Раньше Италия славилась развалинами Колизея. Теперь к числу развалин, которыми славится Италия, присоединились развалины авиазаводов в Турине, портовых сооружений в Генуе, военных объектов в Неаполе и много других. Число вышеупомянутых достопримечательностей продолжает увеличиваться.

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ

Население Италии состоит в настоящее время главным образом из немцев.

Коренных итальянцев легче всего встретить в лагерях военнопленных в Англии и в Советском Союзе.

ВВОЗ И ВЫВОЗ

Главным предметом ввоза в Италию являются немцы.

Вывозится из Италии еда (макаронны, мука, оливковое масло и т. д.)

АРМИЯ

Характерной чертой итальянской армии является ее терпение: она беспрерывно терпит поражения.

Следует также отметить хитроумную стратегию итальянских генералов: сдаваясь со своими дивизиями в плен, они тем самым обременяют транспорт противника (как ни крути, а перевозить пленных нужно), а также усложняют продовольственный вопрос союзников, ставя их перед необходимостью кормить несколько сот тысяч голодных итальянских воинов.

В настоящее время итальянских генералов в Англии приблизительно столько же, сколько и в Италии.

КЛИМАТ

В Италии гораздо теплее, чем в России, но прохладнее, чем в Африке. Это подтверждается итальянскими солдатами, разгромленными на Дону и разбитыми в Ливии.

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ

В Италии растет недовольство народа, втянутого Муссолини в губительную войну.

ЖИВОТНЫЙ МИР

Примечание: Редакция хотела приложить к настоящему очерку карту итальянских владений, но сочла это нецелесообразным, ввиду того что под давлением союзных войск чертания этой карты все время меняются.

Член крокодильского географического общества
Ю. МАРКЕВИЧ

Обыкновенный стол

БЫВАЕТ И ТАК

Рис. В. Горьева

ЭТО был не какой-нибудь памятникобразный красного дерева стол с потайными ящиками, секретами и бронзовой отделкой. Нет, это был самый обыкновенный стол, да еще к тому же и липовый. Заведывал этим столом товарищ Шуриков.

И вот последнее время начал товарищ Шуриков замечать, что этот его письменный стол как-то скособочился, припадает на переднюю ножку, ящики заедает и даже появился какой-то противный скрип. Но это ему, как говорится, ни к чему, и он ничуть не изменил в связи с этим своих привычек. А привычки, надо правду сказать, были у него несимпатичные: он любил, чтобы люди у дверей его кабинета часа по полтора дожидались, любил себя показать, что он не так себе и не кое-кто, а за столом, и при разговоре с посетителями он взял себе за правило хлопать ящиками стола.

Ну, естественно, посетители в такой хлопающей атмосфере предпочитали не задерживаться.

Вот так-то было и в памятное утро, когда к товарищу Шурикову пришла гражданка Сидорова Анфиса Ивановна. Она подала ему какое-то небольшое свое заявление и при этом мягко и ласково добавила:

— Уж вы не откажите: у меня три сына, и все на фронте...

И тут товарищ Шуриков хлопнул ящиком и веско сказал:

— У всех сыновья. У всех на фронте. Приходите через две недели.

Анфиса Ивановна то ли от неожиданного хлопанья, то ли от собственных слабых нервов заплакала и вышла из кабинета.

А на фоне дверей уже возникла секретарша, как все равно на белом листе бумаги вопросительный знак.

— Вас тут еще старичок вчерашний дожидается. Впустить?

— Все теперь старички! Все вчерашние!— закричал товарищ Шуриков.— Скажите им, что прием на сегодня закончен.

И когда секретарша вышла за дверь, он, по своей всегдашней привычке, взял заключительный аккорд, то есть оглушительно хлопнул ящиком стола. Хлопнул и, не видя белого света, застонал дурным голосом:

— О-о-о!

Палец, указательный палец остался защемленным в ящике — и ни взад, ни вперед.

Товарищ Шуриков, мыча от боли, покрылся холодным испариной и в это время услышал довольно грубый и скрипучий голос:

— Ага, так тебе и надо!

Товарищ Шуриков оглянулся. В кабинете не было ни души.

Он испуганно спросил:

— Кто тут?

— Кому ик тут быть? Ты, да я, да мы с тобой. Ты за столом, а я твой стол,— сказал скрипучий голос.

— Какой-то бред!— ужаснулся Шуриков.

Но бред или не бред, а палец не подавался. Тогда он, молниеносно оценив ситуацию, сказал начальственным тоном:

— Ну, поскольку ты сам понимаешь, что я зав, а ты только подчиненный, немедленно отпусти мой палец!

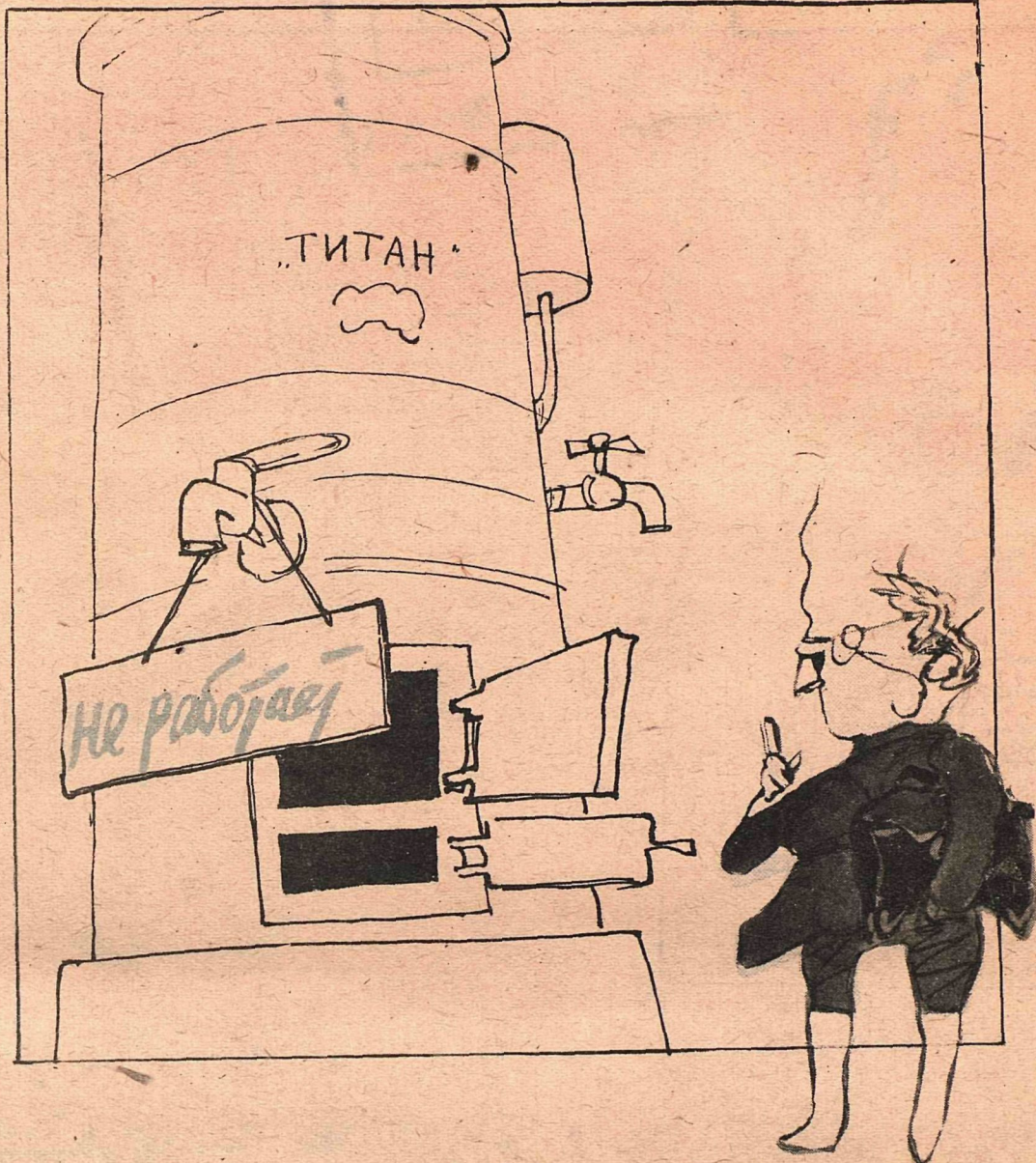
— Не-ет, дудки!— сказал стол.— Долго я терпел, а теперь ты потерпи.

— Да я тебя!— крикнул товарищ Шуриков.— Я тебя на щелки велю исколоть!

— О-о!— фыркнул стол не то верхним ящиком, не то нижним. — Только попробуй!.. А инвентарный номер на что?

«Ишь, канцелярская шельма! Разбирается»,— подумал товарищ Шуриков и уже гораздо важнее сказал, переходя на «вы»:

— Послушайте, мы же с вами все-таки соз-

— Я слишком крупный работник, чтобы заниматься такими мелочами.

нательные. Мы должны ж таки найти общий язык. В чем, собственно, дело?

— А в том, что не желаю я больше терпеть!— сказал стол.— Сегодня гражданка Сидорова на меня слезой какнула. Я думал, насквозь меня эта слеза прожжет.

— Ах, вот как!— догадался Шуриков.— Ну, знаете ли, я работник ответственный, время у меня золотое...

— Врешь, врешь!— рассердился стол и при этом позволил себе чорт знает что: повалился на задние ноги, не выпуская прицельного пальца.— Врешь! Это ты кому хочешь болтай, а я-то все твои дела вот как знаю! Отвечай: что у меня в нижнем, в самом пыльном ящике?

— Что? Э-э...

— То-то! Двадцать пять неразобранных заявлений, вот что! Мне они аж все нутро разрывают! А в среднем, в синей папке, чего?

— Я больше не буду!— жалобно сказал товарищ Шуриков.— Пустите, у меня палец затек.

— Если я захочу,— продолжал стол,— я очень просто могу тебя в настоящем разрезе показать. Вот вытряхни все из своего нутра: «Глядите, граждане! Где тут важные дела? Где тут послушки похвальные? Где хоть чего-нибудь мало-мальски стоящее?»

— Ох, не делайте мне такой пакости!— взмолился Шуриков.

Стол нетерпеливо стукнул задней ногой:

— Ты лучше вот чего: свободной-то рукой очисти-ка мой верхний ящик. Чего там такое? Ага! Полным-полно мышьиного добра. Так я и знал, что мыши ко мне повадились. Все как есть письма пригадили; а они, письма-то, небось, лежат третий месяц, ответа ждутся. А ты вытребай, вытребай, не брезгуй.

Когда товарищ Шуриков в этот вечер вернулся домой, как он переспал эту ночь,— неизвестно. Только, проснувшись утром, он подумал: «Бред. Все, конечно, по-старому».

Но палец? Палец был синий, распухший, с почерневшим ногтем. «Значит, не бред? Значит, нельзя больше по-старому?»

И как же были приятно удивлены в это утро посетители, когда товарищ Шуриков, пробегаая мимо них в свой кабинет небывало расторопной рысцей, безо всякой излишней важности, приветливо сказал:

— Это все ко мне? Отлично. Раз, два, десять... пятнадцать... Всех приму, товарищи, не беспокойтесь. Пожалуйста первый. Чем могу быть полезен?

И главное, товарищ Шуриков потерял свою резкую привычку — хлопать ящиками. Наоборот: он теперь при разговоре мягко поглаживает по столу, и это как-то успокаивающе действует на посетителей.

В. КАРБОВСКАЯ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-33-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Москва, Изд. № 1077

Подп. к печати 16/ХІІ 1942 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 62132

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Зак. 3489.

Тираж 135 000 экз.

24

Рис. К. Елисеева

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ

31 ДЕК 1942

Всё Ни Платит Получено

3059

Имя	Лет	Уч.
И. С. С. М.	1943	1
Луч.		
Сед.		
Дн		
Жив		

Продолжение следует...